

В.П. Даниленко

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Синхронический подход к изучению языка фиксирует определённое состояние языка как нечто застывшее во времени. Диахронический подход, напротив, держит в центре своего внимания изменения, произошедшие в истории языка.

Ключевые слова: синхрония; диахрония; статика; динамика; В.Гумбольдт; И.А. Бодуэн де Куртенэ; Ф. де Соссюр; В.Матезиус

V.P. Danilenko

ON SYNCHRONIC VS DIACHRONIC IDEOLOGY IN LINGUISTICS

The synchronic approach to the language research fixes a certain state of the language as something unchangeable. On the contrary, the diachronic approach takes into consideration the changes that evolve through the history of the language.

Key words: synchrony; diachrony; statics; dynamics; V. Humboldt; I.A. Baudouin de Courtenay; F. de Saussure; V. Mathesius

Синхронический подход к изучению языка направлен на описание языка, взятого в определённый (например, современный) период времени, а диахронический – на описание его истории.

Вплоть до XIX в. европейские грамматики были синхроническими по преимуществу. История языка в них присутствовала лишь эпизодически. Так, в «De lingua latina» М.Т. Варрона (I в. до н.э.) преобладает синхрония, однако в ней мы находим и начало исторического словообразования, поскольку её автор представил в своей грамматике принципы этимологического анализа, сформулированные как предостережения начинающему исследователю [Даниленко, 2009, с. 153]. Первые диахронические грамматики появляются лишь в XIX в. Младограмматики называли их историческими, а синхронические – описательными.

Теоретическому осмыслению разницы между синхронией и диахронией (статикой и динамикой) положил начало В. Гумбольдт. Он не употреблял терминов «синхрония» и «диахрония», но отсюда не следует, что он не видел разницы между синхронической лингвистикой и диахронической. В своём докладе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», прочи-

танном им в 1820 г., используя иную терминологию, он делит сравнительное языкознание на два раздела: «изучение организма языков» и «изучение языков в состоянии их развития» [Гумбольдт, 1984, с. 311]. Первый из этих разделов соотносится с соссюрской синхронией, а другой – диахронией.

Собственная концепция языка у В. Гумбольдта имеет синхроническую доминанту, однако диахронизм пронизывает её насквозь. Более того, ему принадлежит фраза, которую А.А. Потебня воспринимал как основополагающую для своей собственной позиции в языкознании: «Истинное определение языка может быть только генетическим» [Там же. С. 70]. Как это понимать?

Лозунг о генетическом определении языка для В. Гумбольдта означал, что при рассмотрении языка вообще, языкового типа или отдельного языка в частности он не останавливался лишь на их синхроническом описании, но обращался к вопросу об их генезисе, происхождении. На синхроническое состояние языка в этом случае смотрят с генетической точки зрения. За определённым состоянием языка эта точка зрения ищет его истоки, его первоначальные корни.

Генетическая точка зрения (в гумбольдтовском понимании этого термина) должна рассматриваться как одна из форм эволюционистского мировоззрения. Её особенность состоит в том, что в центр своего внимания в этом случае исследователь ставит не весь эволюционный путь изучаемого объекта, а лишь его происхождение. Подобным образом подходил к изучению языка В. Гумбольдт. Его эволюционизм, таким образом, может быть определён как генетический.

Вполне определёнными были взгляды на соотношении синхронии и диахронии у младограмматиков. Синхронию они ставили в подчинённое положение по отношению к диахронии. Вот как глава немецкого младограмматизма Герман Пауль объяснял приоритет исторического подхода к изучению языка по отношению к описательному: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль, 1960, с. 43]. Автор этих слов, таким образом, считал, что описательное языкознание не обладает объяснительной силой. С его точки зрения, объяснение того или иного состояния языка невозможно без обращения к его истории. Подобную позицию занимал И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления» [Березин, 1973, с. 396]. Синхронический подход к изучению языка И. А. Бодуэн де Куртенэ называл статическим, а диахронический – динамическим. Первый направлен на исследование языка, взятого в определённый период его существования, а второй – на изучение его истории. Так, по поводу фонетики учёный говорил: «Первая физиологическая и вторая морфологическая части фонетики исследуют и разбирают законы и условия жизни звуков в состоянии языка в один данный момент (статика звуков), третья же часть – историческая – законы и условия развития звуков во времени (динамика звуков)» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 66].

Учёный выступал против смешения статической и динамической точек зрения на язык, считая неуместным «измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего време-

ни. Задача исследователя состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, соотношение с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиваться такой-то и такой-то строй и состав времени последующего» [Там же. С. 68].

Наиболее распространённой формой применения синхронического подхода к изучению языка является исследование современного (живого) языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ работал в условиях, когда в языкознании большим почётом пользовались сплошь и рядом мёртвые языки. Но они доходят до нас лишь в памятниках письменности. Однако письмо – это вторичная форма существования языка. Первичной формой его существования является устный (живой) язык.

Изучать язык по письменной форме его существования в прошлом – всё равно, что биологу исследовать организм по его трупу. Подлинная, как тогда было принято говорить, жизнь языка в этом случае ускользает от внимания исследователя. Чтобы добраться до биофизической и психокультурной природы языка, при таком подходе ему приходится пробираться сквозь его «мёртвую» оболочку. Вот почему немецкие младограмматики Г. Осхоф и К. Бругман писали в 1878 г.: «Никто не может отрицать, что прежнее языкознание подходило к объекту своего исследования – индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живёт и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют в речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало – говорящего человека» [Звегинцев, 1960, с. 153].

Подобным образом относился к проблеме, о которой идёт речь, и И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Для языковедения <...> гораздо важнее исследование живых, т.е. теперь существующих языков, нежели языков исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам <...> Только лингвист, изучивший все стороны живой язык, может позволить себе делать предположение об особенностях язы-

ков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 349].

Ф. де Соссюр, как мы увидим в дальнейшем, отдавал предпочтение синхронии перед диахронией. И.А. Бодуэн де Куртенэ, как и немецкие младограмматики, напротив, отдавал приоритет динамике перед статикой. «Истинно научными, – указывал он, – они (грамматики – В.Д.) могут быть, только рассматривая этот известный момент в связи с полным развитием языка» [Там же. С. 67-68]. В статике он видел лишь частный случай динамики: «Нет неподвижности в языке. Принимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех родственных языках – есть учёная выдумка, учёная фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, всё живет, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика есть только частный случай динамики или скорее кинематики» [Там же. С. 349].

Ф.Ф. Фортунатов ушёл дальше всех в пропаганде исторического подхода к изучению языка. Несмотря на то, что его учение о форме в языке имеет по преимуществу синхроническую направленность, всю науку о языке он сводил к историческому языкознанию: «Предметом языковедения является язык в его истории» [Фортунатов, 1956, с. 23]. Он настаивал: «Языковедение, имеющее предметом изучения человеческий язык в его истории, может быть, следовательно, определяемо иначе как история человеческого языка или как историческое изучение человеческого языка, т.е. историческое изучение всех доступных для исследования отдельных человеческих языков...» [Там же. С. 24]. Диахронический максимализм Ф.Ф. Фортунатова здесь налицо! Он стал естественным следствием из господства исторического языкознания над описательным в лингвистике XIX в.

Историзм господствовал в науке в XIX в. не только в языкознании, но и в других науках – в особенности во второй его половине. Во многом это объясняется триумфальным успехом книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение

благоприятных рас в борьбе за жизнь», которая вышла в свет в 1858 г. Свет эволюционизма, исходящий от этой книги, осветил всю науку. Его лучи достигли и культурологии, куда входит, как мы помним, и лингвистика. Достаточно в связи с этим привести такой пример: французский историк Шарль Летурно (1831-1902) издал в конце XIX в. следующие книги: «Эволюция морали» (1884), «Эволюция брака и семьи» (1888), «Эволюция собственности» (1889), «Политическая эволюция» (1890), «Юридическая эволюция у различных человеческих рас» (1891), «Религиозная эволюция» (1892), «Эволюция рабства» (1897) и др. К сожалению, Ш. Летурно не обладал системным мышлением. Вот почему его «эволюции» изображаются изолированно друг от друга. Его картина культуры, таким образом, рассыпается на отдельные фрагменты, не связанные между собою в единую систему.

Системным мышлением в науке обладал самый великий универсальный эволюционист XIX в. Герберт Спенсер (1820-1904). Он обладал мирообъемлющим умом. «Мирообъемлющий ум» (выражение В.Г. Белинского о В. Шекспире) имел и М.В. Ломоносов (1711-1765), но он не успел написать всеобъемлющего труда о мироздании в целом. Он не успел даже завершить задуманную им «Систему всей физики». Г. Спенсеру же посчастливилось построить эволюционную модель почти всего мироздания. Только культуру он не успел охватить целиком. Начиная с 1862 г. и заканчивая 1896 г., выходили в свет его книги: «Основные принципы», «Принципы биологии», «Принципы психологии», «Принципы социологии» и «Принципы этики». Сам порядок их написания отражает эволюция: первая посвящена физиогенезу, вторая – биогенезу, третья – психогенезу, четвертая и пятая генезису двух сфер культуры – нравственности и политики, но в них речь идёт также о генезисе религии, науки, искусства и языка. Во всех своих книгах их автор исходил из положения о всеобщности, универсальности эволюции. Недаром он снискал себе славу апостола эволюции.

Г. Спенсер совершенно справедливо считал, что эволюционный подход позволяет построить единую систему мироздания. Между прочим, в этом он и видел задачу философии. «Философия, – указывал он, – вполне ин-

тегрированное знание» [Антология мировой философии, 1971, с. 609]. Чуть ниже он уточнял: «Объединённое знание возможно и <...> цель философии – достижение его» [Там же]. Очевидно, подобная философия перерастает в науку вообще – в научную картину мира.

Описывая физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез, Г. Спенсер опирался на выработанное им общее понимание хода эволюции. В самом кратком варианте это понимание он формулировал так: «Эволюция всегда представляет собой интеграцию материи и рассеяние движения» [Там же. С. 612].

Расшифровывая общее понимание хода эволюции на конкретном материале, Г. Спенсер писал: «Вещество, входящее в состав нашей Солнечной системы, принимая более плотную форму, вместе с тем изменялось путем перехода от единства распределения к его многообразию. Затвердевание Земли сопровождалось переходом от сравнительного однообразия к чрезвычайному разнообразию. Развиваясь из зародыша в тело сравнительно большого объёма, каждое животное или растение также переходит от простого к сложному. Возрастание общества как в отношении его численности, так и прочности, сопровождается возрастанием разнородности его политической и экономической организации. То же самое относится ко всем надорганическим продуктам – языку, науке, искусству и литературе» [Там же. С. 613].

Становится понятным теперь, почему Фердинанд де Соссюр (1857-1913) ощущал себя в научном сообществе одиноким: диахроническая атмосфера, господствующая в науке его времени, действовала на него удушающе. Он был апостолом синхронии.

Обосновывая правомерность употребления терминов «*синхрония*» и «*диахрония*» в языкознании, Фердинанд де Соссюр (1857-1913) писал: «Термины «история» и «историческая лингвистика» непригодны, так как они связаны со слишком расплывчатыми понятиями <...> Термины «эволюция» и «эволюционная лингвистика» более точны, и мы часто будем ими пользоваться; по контрасту другую науку можно было бы называть наукой о состояниях языка или статической лингвистикой. Однако, чтобы резче оттенить это противопоставление и это скрещение двоякого рода явлений, относящихся к одному объекту, мы предпочита-

ем говорить о синхронической лингвистике и диахронической лингвистике. Синхронично всё, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично всё, что касается эволюции. Существительные же «синхрония» и «диахрония» будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции» [Соссюр, 1977, с. 114].

В решении вопроса о соотношении синхронии и диахронии в языкознании Ф. де Соссюр занимал альтернативистскую позицию – позицию «или/или». Это означает, что он противопоставлял их друг другу абсолютно и бескомпромиссно. Он говорил: «Противоположность двух точек зрения – синхронической и диахронической – совершенно абсолютна и не терпит компромисса» [Там же. С. 116]. Отсюда следует, что в синхронии он не признавал элементов диахронии, а в диахронии – элементов синхронии. Иначе говоря, он целиком и полностью отрицал относительность разницы между синхронией и диахронией. Вот почему он стремился в своём курсе лекций излагать синхроническую лингвистику и диахроническую как две науки, совершенно независимые друг от друга. При этом он, в отличие от младограмматиков, отдавал приоритет синхронии перед диахронией.

В отличие от Г. Пауля, который отказывал описательному языкознанию в объяснительной силе, Ф. де Соссюр стал приписывать эту силу главным образом не диахронической, а синхронической лингвистике. При этом он прибегал к сравнению с шахматной игрой. Если мы застаём шахматную партию в том или ином состоянии, рассуждал Ф. де Соссюр, то нам не нужно изучать её истории, чтобы вместе с игроками думать о следующем ходе. Он говорил: «В шахматной партии любая данная позиция характеризуется, между прочим, тем, что она совершенно независима от всего того, что ей предшествовало; совершенно безразлично, каким путём она сложилась; зритель, следивший за всей партией с самого начала не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришёл взглянуть на положение партии в критический момент; для описания данной шахматной позиции совершенно незачем вспоминать о том, что происходило на доске десять секунд тому назад. Всё это рассуждение применимо и к языку и ещё раз подчёркивает коренное различие, проводимое нами

между диахронией и синхронией» [Соссюр, 1977, с. 122].

Синхронист, таким образом, не нуждается, по Ф. де Соссюру, в помощи диахрониста. Дело первого – описание языковой системы, взятой в определённый период времени, а дело второго – описывать изменения, которые происходили в истории этого языка. Синхронист не нуждается в помощи диахрониста потому, что сама языковая система обладает объяснительной силой (как шахматная позиция, взятая в определённый момент). Состояние её элементов объясняется не их историей, а состоянием системы, к которой они принадлежат.

Преимущество синхронии перед диахронией Ф. де Соссюр видел в первую очередь в том, что именно синхроническому рассмотрению доступна языковая система как таковая, тогда как диахроническая лингвистика занимается изменениями, которые происходят первоначально не в языке, а в речи отдельных говорящих. Диахронической лингвистике, таким образом, недоступен, как говорил Ф. де Соссюр, «единственный и истинный объект лингвистики», а именно: «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Там же. С. 269].

Мышление Ф. де Соссюра было абсолютистским (альтернативистским). Он резко противопоставлял друг другу язык и речь, внутреннюю лингвистику и внешнюю, синхронию и диахронию. Отсюда не следует, что мы должны преуменьшать значение его «Курса общей лингвистики» для нашей науки. Соссюровские дихотомии были и остаются её краеугольными камнями. Всё дело лишь в том, чтобы мы умели проводить не абсолютную грань между языком и речью, внутренней лингвистикой и внешней, синхронией и диахронией, а относительную. Но отсюда не следует, что мы имеем право стирать эту грань. Нам запрещает это делать великий Фердинанд де Соссюр.

Мышление другого великого языковеда – Вилема Матезиуса (1882-1945) – было не абсолютистским, а диалектическим. Мы обратимся сейчас к его взглядам на соотношение синхронии и диахронии.

Разграничение синхронии и диахронии. Научную равноценность синхронии и диахронии В. Матезиус выводил из специфики задач, которые стоят перед историческим

и описательным языкознанием. Он указывал: «В то время, как динамический (в соссюровской терминологии – диахронический) метод анализирует факты языка в их хронологической последовательности, метод статический (в соссюровской терминологии – синхронический) ограничивает исследование языковым состоянием, как оно представлено в данный период» [Mathesius, 1972, p. 6].

Зависимость диахронии от синхронии. Отправным пунктом для В. Матезиуса было синхроническое рассмотрение языка, от которого он переходил к его диахроническому рассмотрению. Иной путь и невозможен: прежде, чем расположить те или иные факты языка в хронологической последовательности, необходимо восстановить их на синхронической плоскости. На это указывал Г. Пауль в цитированном нами отрывке из его «Принципов истории языка», но он истолковывал этот факт в сторону зависимости описательного языкознания от исторического, тогда как В. Матезиус интерпретировал его в обратном направлении. Прежде всего, объяснял он, исследователь устанавливает факт А2 в современном языке и факт А1 в истории этого языка, и только затем он протягивает историческую нить между этими фактами: $A1 \rightarrow A2$ [Там же. С. 7]. Диахроническое исследование, таким образом, базируется на синхроническом.

Значение синхронической лингвистики для диахронической В. Матезиус расценивал как стимулирующее. Так, пояснял он, в современном английском языке представлена тенденция выражать основу высказывания (тему) посредством подлежащего. Обнаружение этой тенденции приводит исследователя к вопросу о причинах её развития в данном языке. Но на этом не заканчивается значение синхронической лингвистики для развития диахронической. Выявление исторических корней той или иной тенденции, действующей в современном языке, приводит исследователя к обнаружению и объяснению новых фактов в истории языка. Так, указанная тенденция, действующая в английском языке более активно, чем в немецком, оказывается связанной в английском языке с развитием новых личных конструкций. В результате действия данной тенденции в английском языке средне-

го периода некоторые безличные конструкции были заменены на личные. Этим объясняется тот факт, что на месте безличных конструкций в современном немецком языке мы находим часто соответственные личные конструкции в современном английском (ср. *Es ist mir kalt* «Мне холодно» с *I am cold*). В истории немецкого языка действие тенденции, о которой идёт речь, не было таким же сильным, как и истории английского.

Зависимость синхронии от диахронии.

Грамматическая модель В. Матезиуса построена так, что она неизбежно выводит исследование за пределы современного языка. Это связано с особым характером отношений, которые В. Матезиус стремился выявить в системе современного языка. Он стремился к обнаружению причинно-следственных отношений между наиболее характерными особенностями изучаемого языка. Природа данных отношений такова, что для их выявления материала современного языка недостаточно. Так, с точки зрения современного английского языка нельзя установить, почему в этом языке отсутствует развитая система падежных окончаний. Чтобы в этой особенности современного английского языка увидеть результат действия определённых факторов, необходимо обратиться к истории этого языка. Ориентация грамматики В. Матезиуса на изучение причинных отношений в языке придаёт этой грамматике диахроническую перспективу.

Причинный характер системных отношений в языке служит основой для относительно быстрой перестройки его системы. Одна особенность становится причиной другой, эта последняя становится причиной третьей и т.д. В итоге причинные отношения в языке охватывают все наиболее существенные черты этого языка. Поскольку для разрешения противоречий, возникающих в языке между господствующими тенденциями, говорящие находят те или иные средства, система языка может сохранять относительно равновесие и тем самым противостоять действию новых тенденций.

Причинный характер системных отношений в языке служит основой для относительно быстрой перестройки его системы. Как только та или иная особенность языка выходит из-под контроля его других особенностей, связи данной языковой особенности с другими ста-

новятся ослабленными. Это позволяет новым тенденциям распространить своё действие на оставшуюся без активной системной поддержки старую тенденцию, тем самым ослабляя её. Вместе с этим ослабляются также и позиции других господствующих тенденций в языке. Причинный характер системных отношений в таком переходном состоянии языка обеспечивает относительно быструю замену старых господствующих тенденций окрепшими новыми. В результате такой замены устанавливается новое относительно устойчивое состояние языковой системы.

Таким образом, грамматическая концепция В. Матезиуса глубоко исторична. Говоря о методах современной лингвистики, В.М. Жирмунский писал: «Методы эти не разрывают синхронию и диахронию: они вносят в синхронию элемент развития, т.е. историзм» [Жирмунский, 1957, с. 52]. Эти слова могут быть вполне отнесены к грамматической теории В. Матезиуса.

Библиографический список

1. *Антология мировой философии* [Текст]: в 4 т. / Под ред. И.Ф. Нарского [и др.]. – М.: Мысль, 1971. – Т.3.
2. *Бодуэн де Куртенэ, И.А.* Избранные труды по общему языкознанию [Текст]: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1.
3. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985.
4. *Даниленко, В.П.* Общее языкознание и история языкознания [Текст]: курс лекций / В.П. Даниленко. – М.: Флинта: Наука, 2009.
5. *Звегинцев, В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях [Текст]: в 2 ч. / В.А. Звегинцев. – М.: Учпедгиз, 1960. – Ч.1.
6. *Жирмунский, В.М.* О синхронии и диахронии в языкознании [Текст] / В.М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 42-52.
7. *Пауль, Г.* Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960.
8. *Соссюр, Ф.* Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977.
9. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные сочинения [Текст]: в 2 т. / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1.
10. *Хрестоматия по истории русского языкознания* [Текст] / Сост. Ф.М. Березин. – М.: Высш. шк., 1973.
11. *Mathesius, V.* Nové proudy a směry v jazykovědném bádání [Text] / V. Mathesius // Z klasického období Pražské školy 1925-1945. Česk. akad. ved. Prameny české a slovenské lingvistiky. Řada česká. – Praha, 1972. – № 2.